

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

2. Альпаутов, Р.С. Формирование и современное состояние турецкой общины в Германии / Р.С. Альпаутов, А.Д. Васильев, И.В. Зайцев, И.Х. Миняжетдинов // Молодые востоковеды стран Содружества Независимых Государств. – М., ИВ РАН, 2010. – С. 172–178.
3. Zengin, E. Türk – Alman Edebiyatına Tarihsel Bir Bakış ve Bu Edebiyata İlişkin Kavramlar / E. Zengin, E. Alpaslan, M. Cengiz, E. Eliaçık // Türkiyat araştırmaları. – Ankara, 2010. – № 12. – С. 329–349.
4. Слободенюк, В.В. Художественная литература турецкой диаспоры в Германии во второй половине XX – начале XXI века: к вопросу о проблеме «культуры пограничья» / В.В. Слободенюк // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-literatura-turetskoy-diaspory-v-germanii-vo-vtoroy-polovine-hh-nachale-xxi-veka-k-voprosu-o-probleme-kultury-pogranichya>. – Дата доступа: 08.03.2015.
5. Deutsch-türkische Literatur. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.quickwiki.com/de/Deutsch-türkische_Literatur. – Дата доступа: 08.03.2015.

ЛАГЕРНАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ Г. МЮЛЛЕР (РОМАН «КАЧЕЛИ ДЫХАНИЯ»)

Е.В. Макаревич

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

«Можно ли, собирая дома вещи в дорогу, представить себе пять лет в лагере для интернированных? Как в панике последних минут размеренного бытия в маленьком городке подготовиться к тому, что твоя жизнь рухнет? Можно как угодно собираться в дорогу, но не запасешься всем, что понадобится в нулевой точке существования...» (Г. Мюллер) [2, с. 87–88].

В 2001 году известная немецкая писательница (родом из Румынии), лауреат Нобелевской премии по литературе 2009 года Герта Мюллер начала собирать материалы о судьбе тех, кто после Второй мировой войны оказался в советских трудовых лагерях, – о румынских немцах, мужчинах и женщинах в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет, интернированных в Советский Союз на восстановительные работы.

Тема депортации немецкого гражданского населения долгое время была табуирована. Согласно известному российскому историку П.М. Поляну, одни из первых официальных упоминаний этой темы в Румынии относятся к 1966 и 1971 годам (выступления Н. Чаушеску); научное же осмысление так называемой «трудовой мобилизации» началось лишь в 1994–1995 годах, когда был опубликован ряд документальных работ на основе материалов Государственного архива Румынии в Бухаресте [3, с. 192].

Пройти через советский трудовой лагерь пришлось, в том числе, матери Г. Мюллер – ее лагерный опыт стал неотъемлемой частью детства и юности будущей писательницы. Обратимся к воспоминаниям Г. Мюллер о том времени: «За столом, когда мне полагалось есть, она [мать] описывала устрашающий голод в России, пока любая еда не вставала мне поперек горла. Причесывая меня, она рассказывала, как в лагере стригли наголо, пока я не теряла право на свои волосы. Когда мне надлежало вечером засыпать, она вспоминала промерзшую луну над степью, пока меня не пробирал холод под всеми одеялами, возле самой печки. Я и понятия не имела, о чем речь, но это только усиливало передававшийся мне страх. Такой лишенный какого-либо понятия страх безотчетно тревожит ребенка. Она же видела, что я не понимаю, но довольствовалась тем, что причиняет мне боль. Могла бы обождать, в семнадцать лет, в ее тогдашнем возрасте, я бы поняла, и обступивший меня страх не остался бы без всякого понятия. Однако потом мать уклонялась от моих расспросов и больше не упоминала о лагере...» [2, с. 86]. Дочь узнала и о том, почему мать дала ей имя «Герта»: так звали лагерную подругу матери, умершую голодной смертью. К слову, отец Г. Мюллер во время Второй мировой войны служил в войсках СС, и будущая писательница не могла смириться с этим фактом его биографии. Таким образом, так или иначе, но лагерь всегда присутствовал, пусть и опосредованно, в жизни Г. Мюллер; «влияние» лагеря прослеживается во многих ее романах, рассказах, эссе и интервью с ней. Уже в первом рассказе своего дебютного сборника «Низины» («Niederungen») – в «Надгробной речи» («Die Grabrede») – писательница упоминает депортацию немецкого населения в советские трудовые лагеря [5, S. 11].

Своими лагерными воспоминаниями Герте Мюллер помог известный австрийский поэт Оскар Пастиор, который также был среди интернированных. Приняв решение писать книгу вместе, авторы даже предприняли поездку в бывший трудовой лагерь на территории современной Украины, в который в свое время был депортирован О. Пастиор. Но в 2006 году известный поэт внезапно умер. У Г. Мюллер остались четыре полностью исписанные тетради с заметками и набросками отдельных глав, но, «словно окаменев» [4, S. 300], она не могла писать. Лишь спустя год писательница отказалась от «Мы» [4, S. 300] и начала работу над романом «Качели дыхания» («Atemschaukel»). Однако, по ее словам, ей никогда бы

не удалось осуществить задуманного без тех подробностей лагерной повседневности, о которых рассказывал поэт.

Роман «Качели дыхания» (2009) Г. Мюллер тематически примыкает к ряду произведений европейской «лагерной прозы», которая включает в себя рассказы, повести и романы русских писателей: В. Шаламова, А. Солженицына, Г. Владимова, Е. Гинзбург, А. Жигулина, В. Солоухина, Л. Бородина, С. Довлатова и др.; белорусских – Ф. Олехновича, А. Бабареко, Б. Микулича, Л. Гениуш, С. Граховского.

Какой предстает лагерная жизнь в романе Г. Мюллер «Качели дыхания»? В чем заключается своеобразие раскрытия лагерной темы в творчестве немецкой писательницы? В центре повествования – история семнадцатилетнего румынского немца Лео Ауберга, в 1945 году депортированного в советский трудовой лагерь. Соседи, родственники – все были в ужасе от предстоящей лагерной жизни Лео, но только не он сам: вместо страха юноша испытывал «затаенное нетерпение» [4, S. 7], считал свой отъезд своевременным, так как давно хотел «выбраться из маленького города, где ты у всех на глазах» [4, S. 7]; к тому же из-за гомосексуальности Лео Аубергу угрожает тюрьма, так что еще и поэтому своему родному городу он предпочитает даже лагерь, о котором, правда, еще не имеет никакого представления.

И вот лагерная жизнь начинается: беспощадные охранники, постоянные переклички, каторжный труд, голод, лютый мороз или невыносимая жара, бесконечные случаи смерти. В максимально натуралистическом виде Г. Мюллер рисует в романе картины жестокой лагерной жизни. Даже короткое описание лагерной проверки способно сообщить многое: «Wir stellten uns auf in Reih und Glied – Welch ein Ausdruck für diese fünf Elendsregimenter aus dicken Augen, großen Nasen, hohlen Wangen. Die Bäuche und Beine waren aufgepumpt mit dem dystrophischen Wasser. Ob Frost oder Gluthitze, ganze Abende vergingen im Stillgestanden. Nur die Läuse durften sich rühren an uns. Beim endlosen Durchzählen konnten sie sich vollsaufen und Paradegänge absolvieren über unser elendiges Fleisch...» [4, S. 26–27] («Мы становились плечом к плечу – если уместно такое выражение по отношению к пяти убогим колоннам, к рядам, составленным из опухших глаз, торчащих носов и запавших щек, из ног и животов, разбухших от водянки. На морозе или на палящей жаре мы простаивали навтыжку целый вечер. Шевелиться позволялось только вшам. Пока нас без конца пересчитывали, вши успевали насосаться крови и завершить свой многочисловой парадный марш по нашей жалкой плоти...») [1, с. 26].

Герои романа «Качели дыхания» ощущают себя одинаково беспомощными, одинокими и изолированными, их не покидает ужас перед событиями, участниками и свидетелями которых они являются.

Вот, например, Труды Пеликан рассказывает Лео Аубергу, как однажды она вместе с русской женщиной-фельдшером и водителем Кобелианом перевозила труп замерзшей заключенной Корины Марку. Вместо того чтобы ехать на кладбище, они направились в лагерь, в больничный барак к Беа Цакель, встретившей их с ребенком на руках. Не в процедурной, а в личной комнате фельдшера трупу «нашли применение»: «...Dass er [Kobelian] sie an sich lehnte, bis die Feldscherin die Konservendosen in einen Eimer gerafft hatte und der Tisch frei war. Dass Kobelian die Tote ohne ein weiteres Wort auf den Tisch legte. Dass die Trudi Pelikan anfing, der Toten die Jacke aufzuknöpfen, weil sie glaubte, Bea Zakel warte auf die Kleider. Dass die Feldscherin sagte: Erst die Haare. Dass Bea Zakel ihr Kind hinter den Holzverschlag zu den anderen Kindern sperrte. Dass das Kind solange an die Holzwand trat und schrie, bis auch die anderen Kinder schriller mitschrien, so wie Hunde schriller mitbellen, wenn einer anfängt. Dass Bea Zakel die Tote am Kopf über den Tischrand zog, bis ihre Haare herunterhingen. Dass Corina Marcu wie durch ein Wunder noch nie kahlgeschoren worden war und die Feldscherin sich jetzt die Haare mit der Nullerschere abschor. Dass Bea Zakel sie ordentlich in ein Holzkistchen legte. Dass die Trudi wissen wollte, wozu das gut ist, und die Feldscherin sagte: Für Fensterkissen. Dass die Trudi fragte: Für wen, und Bea Zakel sagte: Für die Schneiderei, der Herr Reusch näht uns Fensterkissen, Haare halten den Luftzug ab... Kobelian sitzt am Steuer, sagt immer Großer Gott und heult» («...Кобелиан прислонял труп к себе, пока фельдшерица освобождала стол от консервных банок. Без лишних слов он положил покойницу на стол. Труды Пеликан начала расстегивать куртку мертвой, полагая, что Беа Цакель пришла за одеждой. Фельдшерица сказала: “Сначала волосы”. Беа Цакель сунула своего ребенка за деревянную загородку с другими детьми. Ребенок колотил по загородке до тех пор, пока другие дети не стали кричать с ним “в унисон”, как воют сообща собаки вслед за первой начавшей. Беа Цакель подтянула мертвую за голову к самому краю стола, чтобы ее волосы свесились книзу. Удивительно, что Корину Марку еще ни разу не стригли наголо, чем сейчас и занялась фельдшерица. Труды хотела знать, для чего им нужны волосы. Фельдшерица ответила: “Для оконных валиков”. “Для чего?” – переспросила Труды. Беа Цакель объяснила: “В пошивочной мастерской господин Ройш шьет нам оконные валики. Волосы хорошо защищают от сквозняка...” Кобелиан сидел в кабине и рыдал, повторяя “Ах, господи!”») [4, S. 207–208]. Описание стола, за которым, видимо, недавно обедали, а теперь разместили труп, воспроизведение крика детей, словно оплакивающих умершую Корину Марку, и рыданий Кобелиана – все это предназначено передать бесчеловечность, противоестественность обстоятельств, в которых оказываются герои романа. Показателен и эпизод, когда Труды Пеликан просит Лео, чтобы тот не умирал зимой, ведь тогда его похоронят расчлененным на куски в небольшой дыре в

замерзшей земле [4, S. 150]. Время от времени в лагере случаются и проблески обычной жизни: люди танцуют, поют, рассказывают друг другу различные истории, любят, в лагере даже рождаются дети. Много придется пережить героям романа «Качели дыхания». И только в последний лагерный год положение интернированных изменится в лучшую сторону: они начнут получать зарплату за свою работу и смогут покупать продукты питания, одежду и косметику; они перестанут быть «мешками с костями» (в переводе М. Белорусца), снова станут похожими на мужчин и женщин. Наконец придет время долгожданного освобождения. Из дневника Лео Ауберга становится известно, что в момент расставания с лагерем, после того как румынский полицейский выдал бывшим заключенным пропуск для въезда в Румынию, герой плакал навзрыд [4, S. 282]. Слезы Лео вызваны не столько радостью освобождения, сколько прощанием с бывшими сокамерниками, ставшими за годы совместного пребывания в заключении близкими и родными, а также страхом перед новой жизнью, перед неизвестностью. В одном из интервью Г. Мюллер делилась своими впечатлениями о совместной поездке с О. Пастиором в бывший трудовой лагерь. Больше всего ее удивил тот факт, что Пастиор действительно был рад встрече со «своим» лагерем. Воспоминания об Ангеле голода (так поэт называл хронический голод) вызывали у него, как потом и у Лео, чувство восторга, словно тот их вовсе не мучил, но спас («...Beim Hungerengel kam ich ins Schwärmen, als hätte er mich nur gerettet, nicht gequält») [4, S. 283].

Как известно из романа, в январе 1950 года Лео Ауберг вернется на родину, окончит строительные курсы, устроится инженером, создаст семью, но в итоге в поисках новой жизни сбежит в Австрию. Однако лагерь навсегда останется неотъемлемой частью жизни главного героя.

В романе Г. Мюллер стремится к наиболее яркому художественному воплощению лагерной жизни. Например, в главе «О сердцелопате» («Von der Herzschaufel») Лео Ауберг рассказывает о процессе разгрузки угля, при этом каждый новый взмах сердцелопаты он сравнивает с элементами фигурного катания, фехтования, балета и феерического танго, плавно перетекающего в фигуры вальса [4, S. 83–84]. По словам главного героя, «всякий, кто хоть однажды имел дело с сердцелопатой, не может не восторгаться ею» [1, с. 85]. Подчеркнутые воодушевленность и увлеченность Лео «артистической» разгрузкой угля в действительности отражают его отчаянные попытки выжить в лагере и противостоять опасности: хроническому голоду (лейтмотивом через всю книгу проходит формула «1 взмах лопатой = 1 грамм хлеба»), непосильной физической нагрузке, воздействию ядовитых химических субстанций (заключенные работают на разрушенном во время войны коксовом заводе) и др. Кроме того, писательница вводит в повествование многочисленные авторские неологизмы: наполненные глубоким смыслом, они представляют собой одну из стратегий выживания Лео Ауберга (позволяют ему уходить от жестокой реальности в свой мир фантазии, прошлого и т.д.) и одновременно выполняют две основные функции – идейную и стилистическую. В авторских неологизмах содержится горькая ирония Г. Мюллер (например, горечи исполнена мысль о существовании «лагерного счастья» – «Lagerglück»), посредством многочисленных новообразованных имен существительных с компонентом «Hunger» подчеркивается всеобъемлющий характер голода в лагере («Augenhunger», «Gaumenhunger», «Hungerecho», «Hungerwort» и др.), а сложные слова «Hautundknochenleute» («люди – одна кожа да кости»), «Knochenmännlein» («тощая особь мужского пола»), «Knochenweiblein» («тощая особь женского пола») и т.п. отражают катастрофичность положения, в котором оказались интернированные и т.д.

Большую смысловую нагрузку в романе «Качели дыхания» выполняет активное обращение к феномену запаха. Благодаря разнообразию воображаемых «домашних» запахов – в произведении многое «пахнет» нафталином, хризантемами, обувным кремом, глицериновым мылом, цветками лимонного дерева и др. – становится возможным установление связи между жизнью Лео Ауберга в лагере и за его пределами. Это необходимо для сохранения человеческого «Я» героя и преодоления им трудностей лагерной жизни; с помощью запахов писательница раскрывает и внутренний мир своих персонажей – «Wenn ich mal ein Gefühl habe, ist es ein Geruch...» («Когда у меня возникает чувство, оно – в запахе») [4, S. 191]), – говорит Лео. Описывая запахи в романе, Г. Мюллер прибегает к использованию синестезии, посредством которой они, метафорически говоря, обретают свои форму, вкус и цвет, поэтому, например, асфальт в романе пахнет «pikant fettig, bitter und salzig, wie eine riesige Schachtel Schuhcreme» («пикантно жирно, горько и солено, как огромный тюбик обувного крема») [4, S. 185].

В целом язык романа «Качели дыхания» предельно точен, лаконичен, «сконцентрирован». В произведении встречаются русские слова и выражения, данные в немецкой транскрипции («Wnimanje liudej», «Ruki na sad», «Banja», «Shto eto», «Pamjat» и др.). Иноязычная лексика придает повествованию документальный характер, подчеркивает подлинность фактов, событий, лежащих в основе романа. Что показательно, имена интернированных Г. Мюллер использует с артиклями «die» и «der» (die Irma Pfeifer, die Trudi Pelikan, die Planton-Kati и т.д.): подчеркивается незначительность, ничтожность человеческой жизни в лагере, отсутствие личности в человеке – люди «опредмечиваются» или приравниваются к животным; с другой стороны, только артикль позволял определить половую принадлежность интернирован-

ных, так как из-за голода и непосильного труда люди стали похожими друг на друга, превратились в «кожу да кости».

Несмотря на многочисленные премии, мировую славу писательницы, среди немецких литературных критиков есть сторонники мнения, что темы, которые Г. Мюллер затрагивает в своем творчестве, уже не актуальны; они советуют ей отказаться от прошлого и, наконец, начать писать о Германии. В свою очередь, Г. Мюллер придерживается иной точки зрения: она должна писать о том, что действительно является для нее важным, что ранило ее до глубины души и оставило глубокий след в ее жизни, в том числе – о депортации румынских немцев.

В романе Г. Мюллер «Качели дыхания» предстают картины жестокой лагерной жизни, показаны противостественность и бесчеловечность обстоятельств, в которых оказались героини произведения. Писательница ставит неутешительный диагноз времени и событиям, о которых повествуется в романе. Г. Мюллер реалистично, с использованием элементов натурализма, удивительно образно рисует картины лагерной действительности; произведении тесно переплетаются между собой ужасающие эпизоды из жизни интернированных и мир фантазии Лео (воображаемые «домашние» запахи, активное словотворчество героя и др.). Роман «Качели дыхания» – значительное явление европейской «лагерной прозы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мюллер, Г. Качели дыхания / Г. Мюллер, пер. с нем. М. Белорусца. – Санкт-Петербург: Амфора, 2011. – 319 с.
2. Мюллер, Г. Приспособление тонких улиц: Речь на открытии Дней немецкой литературы в Клагенфурте 23 июня 2004 года / Г. Мюллер, пер. М. Белорусца. – Иностранная литература. – 2005. – № 4. – С. 81–88.
3. Полян, П. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР / П. Полян. – М.: Мемориал, 2001. – 326 с.
4. Müller, H. Atemschaukel / H. Müller. – München: Carl Hanser Verlag, 2009. – 304 S.
5. Müller, H. Niederungen / H. Müller. – Berlin: Rotbuch-Verlag, 1988. – 140 S.

ТЕМА ЧЕРНОБЫЛЯ В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Н.А. Рымарчук

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Говоря о зарубежной литературе, необходимо отметить необыкновенный интерес именно немецких авторов к чернобыльской проблематике. Три немецких писательницы ощутили масштабность и значимость для всего мира атомной катастрофы, произошедшей, казалось бы, за сотни километров от Германии. Первыми были К. Вольф (1929–2011) и Г. Паузеваг (р. 1928), которые уже в 1987 (по горячим следам происшествия) опубликовали свои повесть «Авария» и роман «Облако». Необходимо также вспомнить знаменитого немецкого писателя Гюнтера Грасса, который в своей «нобелевской» книге «Мое столетие» (1999), в главе, посвященной событиям 1986 года, вспоминает о «чернобыльском облаке», зараженных радиацией грибах в родном лесу и размышляет над печальными перспективами развития атомной индустрии. Не так давно современная немецкая писательница М. Хильбк (р. 1969) (книга «Дитя Чернобыля», 2010), что еще раз свидетельствует о том, что говорить о Чернобыле только как о какой-то сугубо национальной трагедии неправомерно, ибо он на сегодняшний день превратился в своеобразную метафору триумфа и одновременно поражения технического прогресса.

Сюжет повести «Авария» фактически вмещается в один день, но при этом поражает своей содержательностью. Главная героиня – писательница, проживающая в немецкой деревушке, однажды утром просыпается и слышит сообщение о взрыве на одном из атомных реакторов где-то в Европе. Хотя точное место этой трагедии в произведении не указано, мы понимаем, что писательница имеет в виду Чернобыль. Для этого есть основания – несколько раз в повести упоминается Киев. Действие романа Г. Паузеваг происходит в самом начале 1990-х годов, спустя некоторое время после настоящей аварии на Украине. Представив четырнадцатилетнюю девочку Яну-Берту жертвой вымышленного ядерного взрыва, якобы случившегося на атомном реакторе в Графенрейнфельде, писательница совершает попытку сделать катастрофу осязаемой и доступной для понимания современной немецкой молодежи. Очень важно, что своим произведением Г. Паузеваг заставила задуматься не только школьников, но и местные органы управления о том, существует ли на сегодняшний день возможность в экстренной ситуации вовремя эвакуировать людей маленького густонаселенного гессенского городка. Немецкая журналистка Ута Блайх в своей статье «С облаками приходит смерть» («Mit den Wolken kommt der Tod») указывает на